

«Злощастный Прут»

В манифесте о включении Эстляндии в состав Российского государства упомянуто «известное упорство» Карла XII. Дело в том, что Петр ошибся в своих надеждах быстро завершить войну после Полтавы. В августе 1709 года он писал Ф. М. Апраксину, что шведы «сами станут за нами ходить», выпрашивая мир. Но так не случилось. Карл XII был действительно и упрям, и упорен. Из-под Переволочны он бежал в Турцию и вскоре поселился в Бендерах. Отсюда он тотчас послал турецкому султану Махмуду II грамоту, в которой писал: «Если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастья, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию вместе со своим коварным союзником, бросился среди мира, без малейшего объявления войны. Крепости, построенные им на берегах Дона и Азовского моря, его флот обличают ясно вредные замыслы против вашей империи». Карл XII предлагал султану совместные действия против России. Этого как раз больше всего боялся Петр. Воевать на два фронта России было почти невозможно.

Накануне Полтавского сражения Петр I отправился в Азов и на глазах турецкого дипломата сжег часть кораблей Азовского флота (которые и так уже порядком прогнили), демонстрируя этим свое миролюбие. Кроме того, в Стамбул были посланы богатые подарки для придворных и чиновников султана. Полученные из Стамбула известия о том, что турки не будут воевать, были встречены в Москве радостным салютом. Если в 1709—1710 годы Карлу XII не удалось подтолкнуть Турцию к войне, то к началу 1711 года Петру I стало ясно, что война с турками неизбежна. Об этом говорили донесения дипломатов, а также активные военные приготовления турок. И тогда Петр I повел себя решительно, даже отчаянно смело. Ранней весной он двинул армию прямо из Прибалти-

ки через Польшу в Валахию и Молдавию – вассальные владения Османской империи. Замысел его был прост – как можно дальше увести войну с Турцией от сильного шведского корпуса в Померании и от Украины и Польши.

Кроме того, он надеялся на помощь молдавского князя – господаря Димитрия Кантемира, который тайно от султана (подданным которого он являлся) обещал помочь русским войскам. Надеялся Петр I и на восстание балканских славян и греков, находившихся под турецким игом. Сербь, черногорцы и греки получили грамоты русского царя с призывом поднять восстание против Стамбула.

Поход против турок оказался неудачным. Он был плохо подготовлен. Не наладили хорошей разведки, были допущены тактические ошибки, не подумали о снабжении войск. Наконец, у полтавских победителей кружилась голова от успехов, и они явно недооценили противника. Седьмого июля 1711 года турки в районе реки Прут разорвали коммуникации русской кавалерии с основной армией и окружили армию во главе с Петром I в выжженной жарким молдавским солнцем степи на берегу Прута.

Легенды и слухи

Было ли завещание Петра с Прута?

История с окружением русской армии на Пруте породила легенду о завещании Петра I. Оказавшись в окружении превосходящих сил жестокого противника, Петр I написал в Москву, в Сенат, следующее письмо:

«Уведомляю вас, что я со всею армиею без всякой вины или неосмотрительности с нашей стороны, единственно по полученным ложным известиям, окружен со всех сторон турецким войском, которое вчетверо наших сильнее, и лишен всех способов к получению провианта так, что без особенной Божией помощи ничего иного предвидеть не могу, как со всеми нашими людьми погибну, либо взят буду в плен. В последнем случае не почитайте меня царем и государем своим и не исполняйте никаких приказаний, какие тогда, может быть, от меня были бы к вам присланы, хотя бы и собственною моею рукою были написаны, пока я сам не возвращусь к вам. Если ж я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите достойнейшего из вас моим преемником».

Одни историки считают, что это письмо – фальсификация (учитывая, что подлинник его не сохранился, а содержание известно нам только в переводе с немецкого языка) и что в нем много несуразностей. Другие же историки относятся к письму серьезно, считают, что ситуация на Пруте описана точно, краткий, выразительный стиль Петра I, присущее ему мужество вид-

ны «сквозь» любые переводы. Намерение же царя передать власть не Алексею, которого он не любил, а на волю русского высшего общества не является несуразностью. Почти всех царей – его предшественников утверждали на троне выбором «всей земли». Кроме того, не забудем, что среди сенаторов был и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин – незаконнорожденный сын царя Алексея Михайловича. В письмах к нему Петр называл его «братом», а сына Ивана Алексеевича Платона «господином племянником».

Орден Святой Великомученицы Екатерины

В 1714 году Петр I учредил Орден Святой Великомученицы Екатерины – высший женский орден в России. Первым кавалером этого ордена, имевшего девизы: «За любовь и Отечество» и «Трудами сравнивается с супругом», была награждена царица Екатерина Алексеевна, проявившая мужество во время Прутского похода 1711 года, когда русские войска вместе с царем и его женой оказались в окружении и после провала переговоров многим казалось, что армия погибнет. Екатерина Алексеевна настояла на продолжении переговоров и, согласно легенде, передала для подкупа турецкого военачальника все свои бриллианты, подаренные ей царем за годы их совместной жизни.

При этом турки умело отрезали лагерь армии Петра I от воды. В это время стояла страшная июльская жара, трава – корм для лошадей – выгорела, на исходе оказались и боеприпасы. Турки же – а их было в три с лишним раза больше, чем русских, – плотно обложили русский лагерь окопами и вели по неприятельским позициям непрерывный артиллерийский огонь. Положение Петра I и его войск становилось даже более отчаянным, чем под Нарвой осенью 1700 года. Армии грозила капитуляция, а царю смерть или плен. У Петра I оставался один выход – прорываться через турецкие редуты на стратегический простор. Но он понимал, как опасен этот путь, как велико превосходство турок в силах.

Они явно готовились к отражению возможного прорыва русских сил. Мысль о капитуляции была непереносима для Петра I. В дни «прутского сидения» он готовился скорее умереть, чем подвергнуться унижению.

Правда, к 11 июля забрезжила надежда – удалось завязать переговоры с турецким командующим визирем Балтаджи-Мохаммедом. Переговоры эти продвигались медленно, так как турки были уверены в своей победе. Но вице-канцлер П. П. Шафиров, который представлял Россию, был опытным, изворотливым дипломатом. Он сумел склонить турецкого визиря, жадного до взяток, к миру, за что, кстати, визирь вскоре поплатился жизнью.

По тому, какие распоряжения давал Шафирову Петр I из осажденного лагеря, видно, что царь был готов пойти на огромные уступки. В письме-инструкции Шафирову он разрешил отдать туркам все завоеванные во время Азовских походов города и крепости. Если же турки будут хлопотать за шведов, то Петр разрешил отдать Карлу XII все завоеванные шведские владения, кроме Ингрии. Петербургом, как и своей честью, он пожертвовать не мог и готов был отдать Карлу Псков, а «буде же того мало, то отдать и иныя провинции». В письме 11 июля, когда ожидание стало невыносимо, Петр I пошел еще дальше. Он приказал Шафирову: «Ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на все, чево похотят, кроме шклавства», то есть кроме рабства в результате капитуляции.

Наконец Шафирову удалось заключить мир с визирем на очень тяжелых условиях. Россия обещала отдать туркам Азов, уничтожить Таганрог и другие крепости, ликвидировать Азовский флот, не вмешиваться в польские дела, разрешить Карлу XII проехать в Швецию через русские территории. Особенно тяжело было разрушить собственными руками труд 15 лет в Приазовье. Петр I плакал, когда писал губернатору Азова Ф. М. Апраксину указ об уничтожении крепостей и флота. Но иного выхода из прутской ловушки не существовало. Уже после того, как русские войска покинули проклятый прутский лагерь, Петр I 15 июля 1711 года писал в Сенат: «Итакo тот смертный пир сим окончился». Про южное направление политики пришлось забыть на долгие годы.